

Сколько стоило пушкинское имение Михайловское?¹

А. А. Белых

Андрей Акатович Белых, доктор экономических наук, зам. директора Центра прикладной истории Института общественных наук РАНХиГС. 119571 Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: abelykh@inbox.ru

Аннотация. В статье изучается история финансовых взаимоотношений А. С. Пушкина и его родственников по поводу родового имения Михайловское. Этот сюжет практически не привлекал внимания пушкинистов, историков и экономистов, однако он имеет важное значение для понимания экономической жизни как самого Пушкина, так и российского дворянства в середине — второй половине XIX века. Село Михайловское принадлежало матери Пушкина, Надежде Осиповне. После ее смерти в 1836 году по закону отец Пушкина, Сергей Львович, получил одну седьмую часть имения, сестра Ольга — одну четырнадцатую, остальное досталось поровну братьям — Александру и Льву. Отец отказался от своей доли в пользу дочери. Физический раздел имения с 80 крепостными мужского пола не имел экономического смысла, целесообразным было финансовое урегулирование. Пушкин предполагал выкупить Михайловское, исходя из цены в 40 тыс. руб. (500 руб. за душу). Н. И. Павлицев, муж Ольги, доказывал, что имение стоит вдвое дороже, он хотел получить за долю Ольги максимальную сумму. Затем он снижал цену, но у Пушкина не было денег, а во второй половине 1836 года уже разворачивались события, которые привели поэта к трагической дуэли. В феврале 1837 года вдова Пушкина обратилась к Николаю I с просьбой выкупить Михайловское в пользу детей. Была назначена опека над детьми Пушкина, и после длительных переговоров Михайловское в 1841 году было выкуплено. Наследники — Лев, Ольга и Н. Н. Пушкина получили оплату долей, исходя из цены имения в 34 тыс. руб. Собственниками, имевшими равные доли, стали дети Пушкина — Мария, Александр, Григорий и Наталья. В 1856 году сыновья выкупили у дочерей их доли в Михайловском. В 1870 году единственным собственником Михайловского стал Григорий. В 1899 году Михайловское было выкуплено у него Казначейством за 144 600 руб. Но основную долю в этой сумме составляла цена участка леса, а не цена крепостных душ.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, имение Михайловское, семья Пушкина, цена имения, выкуп имения, опека над детьми Пушкина, Г. А. Пушкин

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-20-38

После смерти А. С. Пушкина 29 января 1837 года, его вдова Н. Н. Пушкина 3 февраля обратилась к императору Николаю I

---

1. Статья подготовлена в рамках гранта, представленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

с просьбой об учреждении опеки над детьми Пушкина и о назначении опекунов — Г. А. Строганова, М. Ю. Вильегорского и В. А. Жуковского. В тот же день министр юстиции Д. В. Дашков сообщил Наталье Николаевне о том, что «...его величество соизволяет на учреждение испрашиваемой Вами опеки, но с тем, чтобы Вы с настоящей просьбою Вашей обратились куда следует установленным порядком» (Архив опеки Пушкина, 1939: 343). Имелось в виду, что Пушкиной следовало обратиться в Дворянскую опеку — институт дворянского самоуправления, созданный указом Екатерины II «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 года². Очевидно, Пушкина выполнила указание Николая I, и уже 11 февраля 1837 года был издан «Указ его императорского величества, самодержца российского, из С. Петербургской Дворянской Опеки» о том, чтобы детей Пушкина «в зависимость сей опеки принять» и утвердить опекунами госпожу Пушкину и избранных ею лиц (Архив опеки Пушкина, 1939: 345)³.

22 мая 1838 года Наталья Николаевна обратилась с письмом к М. Ю. Вильегорскому, одному из опекунов. Она писала: «...желала бы поселиться в той деревне, в которой жил несколько лет покойный муж мой, которую любил он особенно, близ которой погребен и прах его. Я говорю о селе Михайловском, находящемся по смерти его матери в общем владении — моих детей⁴, их дяди и тетки. Я надеюсь, что сии последние примут с удовольствием всякое предложение попечительства, согласятся уступить нам свое право, согласятся доставить спокойный приют семейству их брата, дадут мне возможность водить моих сирот на могилу их отца и утверждать в юных сердцах их священную его память. Меня спрашивают о доходах с этого имения, о цене его. Цены ему нет для меня и детей моих. Оно для нас драгоценнее всего на свете. О других доходах я не имею никакого понятия, а само попечительство может собрать всего удобнее нужные сведения» (Архив опеки Пушкина, 1939: 287–288).

Для нас, почитателей А. С. Пушкина, как и для Натальи Николаевны, село Михайловское бесценно. Однако финансовая история этого имения имеет важное значение для понимания многих событий жизни самого Пушкина, его жены и детей, а также экономических условий дворянского быта в XIX веке. Экономические отношения, возникавшие по поводу собственности на село Михай-

2. В соответствии с указом в каждом верхнем земском суде учреждалась дворянская опека для дворянских вдов и малолетних детей (об истории опеки см., напр.: Чернова, 2024).
3. Опекуном был назначен также Н. И. Тарасенко-Отрешков, о котором Пушкина не просила.
4. Строго говоря, дети Пушкина получили права на Михайловское только после его смерти.

ловское, почти не привлекали внимания исследователей. Исключение составляет книга П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики», в которой кратко описываются события 1836 года, когда после смерти Н. О. Пушкиной, матери поэта, владевшей имением, встал вопрос о его наследовании (Щеголев, 2021: 365–369). Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы восполнить этот пробел.

Когда речь идет о денежных отношениях Пушкина с родителями, то прежде всего подразумевается его отец, Сергей Львович. Но не стоит забывать, что его мать, Надежда Осиповна Пушкина, сама была помещицей, владела Михайловским, и в этом качестве проводила самостоятельные финансовые операции. С нее взимались законодательно установленные пошрины, она оплачивала земские повинности. В документах сохранилась, например, квитанция следующего содержания: «С вотчины помещицы Надежды Пушкиной следующий на построение в городе Пскове дворянского дома деньги за восемьдесят девять душ, всего восемь рублей девяносто копеек, принял 20 Генваря 1828 года» (Александр Сергеевич Пушкин, 2007: 715). Заметим, что в документах того времени в таких случаях имеются в виду мужские души и что на январь 1828 года в Михайловском было 89 крестьян.

После того, как 29 марта 1836 года Надежда Осиповна умерла, возникли вопросы, связанные с наследством. Наследниками были дети и муж. По действовавшему законодательству муж, Сергей Львович, должен был получить одну седьмую часть, дочь Ольга — одну четырнадцатую, остальное должно было быть разделено поровну между сыновьями — Александром и Львом. Сергей Львович отказался от своей доли в пользу дочери Ольги, поэтому ей причиталось $\frac{1}{14} + \frac{1}{7} = \frac{6}{28}$ от наследства. Соответственно, братьям доставалось на двоих — $\frac{22}{28}$, каждому — $\frac{11}{28}$. Если бы производилось физическое выделение имущества, то Пушкин должен был бы получить $\frac{11}{28}$ от 80 душ, то есть 31,43 души. Такие же расчеты пришлось бы делать по всем видам недвижимого и движимого имущества. Понятно, что физическое выделение долей имущества было не только очень сложным, но и экономически совершенно нецелесообразным. Речь могла идти только о денежных расчетах, однако для этого было необходимо иметь денежную оценку всего имения — только тогда можно было определить финансовые суммы, причитавшиеся каждому из наследников.

Таким образом, возник вопрос, давший название нашей статье, — «Сколько стоило пушкинское имение Михайловское?»

Для денежной оценки имения в то время существовало два подхода — по доходности и по числу душ мужского пола. В принципе, размер дохода, приносимого имением, был связан с числом душ — чем больше работников, тем больше они приносят дохода (либо в форме оброка, либо в результате продажи продуктов крестьянского труда). На самом деле, при этом не учитывалось несколько важных факторов. Во-первых, число душ определялось по ревиз-

ским сказкам, а между проведениями ревизий проходило несколько лет. За это время кто-то из крестьян умирал, у кого-то рождались дети — то есть количество крестьянских душ постоянно менялось. Во-вторых, в это число входили и новорожденные мальчики, которые не могли увеличивать доходов от имения. В-третьих, в некоторых имениях значительную роль играли женщины, выполнявшие те или иные работы. Так, например, в Кистеневе, в имении, принадлежавшем С. Л. Пушкину, важным промыслом было ткачество — женщины ткали рогожи и кули.

При продаже имения на рынке основное значение имела доходность. При получении кредита в банке в качестве залога выступали крестьянские души, а показатель дохода при принятии решения вообще не рассматривался. Правда, предполагалось, что на каждую крестьянскую душу имеется определенное количество земли, что давало возможность вести хозяйство и приносить доход помещику. И сами души оценивались по-разному: в зависимости от того, в какой местности находилось имение, у банков была фиксированная цена. Размер залога определялся путем умножения числа закладываемых душ на цену. Сумма выдаваемого кредита составляла 50% от размера залога, при этом могли вычитаться определенные комиссии.

В случае с Михайловским, при разделе долей наследников, играли роль и приносимый имением доход, и число душ. Именно дебаты о цене крестьянской души сыграли главную роль во всех последующих событиях.

А. С. Пушкин. 1936 год

Первую денежную оценку имения и вариант его раздела между наследниками представил сам Пушкин в письме Льву, написанном 3 июня 1836 года, через два месяца после смерти матери. Приводим его расчеты:

«80 душ и 700 десятин земли в Пск.<овской> губ<ерн>ии стоят (полагая 500 р. за душу вместо обыкновенной цены 400 р.) 40,000 р.

Из оных выключается 7ая часть на отца 5,714

Да 14ая часть на сестру 2,857

Итого 8,571

Отец наш отказался от своей части и предоставил ее сестре.

На нашу часть остается разделить поровну 31,429 р.

На твою часть придется 15,715.

Мнение мое: эти 15,000 рассрочить тебе на 3 года — ибо вероятно тебе деньги нужны и ты на получение доходов с половины Михайловского согласишься не можешь» (Пушкин, 1949: 123–124). Во время обучения в Лицее математика не была любимым предметом Пушкина, в некоторых его документах есть арифметические неточности, но в данном случае его расчет верен.

Из текста письма следует, что Пушкин предполагал полностью выкупить Михайловское. Отметим, что Пушкин заложил в расчет цену в 500 руб. за душу, при обычной цене в 400 руб. Для родственников он был готов увеличить цену по сравнению с рынком на 25%. При такой оценке ему надо было выплатить Льву и Ольге сумму в 24 286 руб. Таких денег у Пушкина, конечно, не было. В январе 1837 года общая величина его долгов — Казне, Опекунскому совету и частным лицам — составляла 180 500 руб. (Белых, 2021: 79). В июне 1836 года долгов было меньше, но ненамного — крупных заимствований во второй половине года Пушкина не делал, обычно речь шла о пролонгации долгов или перекредитовании. В отсутствие свободной наличности Пушкин хотел рассрочить выплату Льву на три года. Очевидно, что аналогичное письмо он написал сестре, но, по-видимому, оно не сохранилось.

Предложение Пушкина было вполне разумным, хотя понятно, что для того, чтобы выкупить доли брата и сестры, ему пришлось бы заложить Михайловское. Другого способа получить крупную сумму денег у него уже не было. Лев согласился со сделанным ему предложением и в начале июля послал Пушкину доверенность на ведение дел: «Вот тебе и доверенность. Закладывается или продается Михайловское — не знаю, да и дела мне до этого нет; были бы деньги, а ты мне их обещаешь. Чего же лучше?» (Пушкин, 1949: 134).

Ситуация с Ольгой была сложнее — решения принимал ее муж, Н. И. Павлищев, чиновник, служивший в Варшаве. В июне 1836 года они жили в Михайловском. Дата письма Пушкина Ольге нам неизвестна. Возможно, он хотел сначала дождаться реакции брата. Во всяком случае, в письме Павлищева Пушкину, датированном 18 июня, ничего о выкупе имения не говорится. Павлищев лишь дает подробное описание хозяйственного положения Михайловского, доказывает, что управляющий — вор, сообщает, что он его выгнал. Павлищев, по сути, дает отчет о своих действиях и пишет: «О том, что и как делать вперед, я сообщу, если вам угодно будет, мои соображения» (Пушкин, 1949: 133).

В июле Павлищев уже в курсе предложения Пушкина и выражает несогласие с предназначенной Ольге суммой в 8500 руб.⁵ В письме, датированном 11 июля, он приводит собственные расчеты справедливой, по его мнению, доли Ольги.

Исследователи, прежде всего Щеголев, характеризуют Павлищева как нахального и чрезмерно требовательного родственника. Это, конечно, правильно. Но как экономист он действовал достаточно логично. Прежде всего, он выяснил, что Пушкин не знал размеров имения. В Михайловском, по мнению Павлищева, было

5. В расчете Пушкина в письме Льву фигурировала цифра выплаты Ольге — 8571 руб. Возможно, в письме к Ольге Пушкин округлил цифру.

не 700, а 1975 десятин⁶. Затем Павлищев попытался выяснить, какой доход может приносить Михайловское. По его мнению, средний доход составляет 3000 руб. в год. В письме Пушкину он обосновывал свою оценку: «...цена всякого имения определяется доходом с него получаемым. ...Чистого дохода выведено около 3000 рублей. ...для получения его нужен капитал 80 т. руб., следовательно, Михайловское равно капиталу 80 т <ыс. руб.>, а душа 1000 руб.». Павлищев пишет Пушкину в манере школьного учителя: «Так делаются оценки, Александр Сергеевич» (Пушкин, 1949: 137–138).

Пушкин был готов увеличить оценку имения по сравнению с рыночной, но Павлищев удвоил даже завышенную оценку Пушкина — вместо 500 руб. за душу получилось 1000 руб. Соответственно, удвоилась бы сумма, которую Пушкин должен был бы выплатить Ольге и Льву. Обоснованием такого требования и должны были служить выкладки Павлищева. Из письма видно, что он вступил в переписку со Львом и сообщил ему о своих расчетах.

Если не учитывать этическую сторону дела, с экономической точки зрения аргументы Павлищева формально могли быть правильными. Пусть годовой доход составляет 3000 руб., какой нужен капитал, чтобы получать такой доход? Естественным показателем, используемым для оценки активов как в то время, так и сейчас, является банковский процент. В 1836 году по действующему законодательству банковские ставки по депозитам составляли 4% годовых, по кредитам — 5%. По-видимому, Павлищев берет среднюю цифру — 4,5% годовых. Действительно, для получения дохода в размере 3000 руб. необходимо иметь 80 000 руб. ($80\ 000 \times 0,045 = 3600$). Это вполне современное рассуждение — если прогнозируется постоянное получение от актива одинакового дохода, цена этого актива равна капитализированному доходу.

Тем не менее, посылая эти расчеты Пушкину, Павлищев лукавил. Во-первых, сумма 3000 носила условный характер. Детальный анализ этих цифр выходит за рамки настоящей статьи, отметим лишь, что по законодательству того времени для оценки имения нужно было использовать среднюю величину за последние десять лет. Однако сам Павлищев признавал, что книги учета доходов и расходов Михайловского ему обнаружить не удалось, поэтому его расчет базировался на данных одного года и на нем нельзя было основываться. Во-вторых, Павлищев, наверно, понимал, что за 80 000 руб. такое имение, как Михайловское, продать очень сложно, практически невозможно. Видимо, это понимание заставило его сделать Пушкину более реалистичное предложение.

В том же письме от 11 июля Павлищев сначала допускает, что доходы могут оказаться ниже, поэтому оценка Михайловского со-

6. Щеголев, со ссылкой на ревизские сказки и опись, сделанную Опекой в 1838 году, приводит цифру — 1965 десятин (Щеголев, 2021: 276). Отличие, составляющее менее 1%, конечно, несущественно.

ставит не 80 тыс., а 70 тыс. руб. Но если бы имение выкупал сам Пушкин, то Павлицев был готов еще больше снизить цену: «Если имение купите вы, то я готов спустить еще 6/т., и отдать вам его за 64 т <тыс. руб.>, т.е. по 800 руб. душу. Ниже этого нельзя ни под каким видом» (Пушкин, 1949: 138). При такой цене имения Ольга получала бы 13 712 руб., а Лев — 25 144. Павлицев даже написал Льву о том, что ему причитается 25 тыс. руб.

С точки зрения правил коммерческих переговоров Павлицев, безусловно, действовал правильно. Сначала предложил высокую цену. Затем дал большую скидку. При этом он постарался заручиться поддержкой людей, которые могли повлиять на человека, принимающего решения, — в данном случае это родные люди, брат и сестра, да еще нуждающиеся в деньгах. Лев действительно вскоре написал брату письмо, в котором просил поскорее прислать треть причитающихся ему денег, не дожидаясь завершения финансовых расчетов.

Павлицев требовал от Пушкина «ответа решительного, а пуще всего — безотлагательного». Срок его отпуска истекал, нужно было возвращаться в Варшаву, иначе его ждали неприятности, можно было даже потерять место. При этом Павлицеву, как он писал, необходимо было иметь с собой как минимум 2500 руб. Видимо, речь шла о неотложных платежах по долгам.

Пушкину предложение Павлицева не понравилось и не могло понравиться. Для него было ясно, что Павлицев сознательно завышает цену Михайловского. Пушкин уже дал ему и Ольге тысячу рублей авансом. Льву он всегда помогал, даже выкупал его большие долги, но в данном случае предлагаемый Павлицевым вариант был для Пушкина неприемлем. Если Павлицев и пытался преподать Пушкину урок экономической науки, то и Пушкин в письме от 13 августа дал ему достойный ответ: «Оценка ваша в 64,000 выгодна; но надобно знать, дадут ли столько. Я бы и дал, да денег не хватает, да кабы и были, то я капитал свой мог бы употребить выгоднее» (Пушкин, 1949: 154). Переводя на современный язык — предлагаемый проект не только слишком дорог, но и менее эффективен, чем альтернативные проекты капиталовложений.

В этой ситуации Пушкин был готов просто продать Михайловское, а затем поделить между наследниками вырученные деньги: «Пришлите мне, сделайте одолжение, объявление о продаже Михайловского, составьте его на месте; я так его и напечатаю. Но постарайтесь на месте же переговорить с лучшими покупателями» (Пушкин, 1949: 153–154).

Еще не дождавшись ответа Пушкина, Павлицев в письме от 1 августа предложил новую схему. По его мнению, Ольге причиталось 80 душ в Нижегородском имении Сергея Львовича, которые стоили по 600 руб. за душу (за вычетом 200 руб. закладных). Это давало бы сумму в 48 000 руб. Тогда Павлицев выкупил бы Михайловское сам. По его расчету, он должен был бы заплатить Пушки-

ну и Льву по 25 000 руб. Заложив Михайловское и получив за него 12 тыс. руб., Павлищев отдал бы Льву 5 тыс. руб. Причитающиеся Пушкину 25 тыс. руб. и остающиеся 20 тыс. руб. Льву Павлищев заплатил бы из 48 тыс. руб., полученных от Нижегородского имения (Пушкин, 1949: 145).

Говорят, что в споре двоих людей один — дурак, а другой — подлец. В данном случае Павлищев умудрился совместить обе ипостаси. Он хотел обмануть Пушкиных — получить имущество в Нижегородском имении (собственно, речь идет о части Болдино), обменять его на Михайловское и остаться с 10 тыс. руб. наличных денег (3 тыс. руб. от залога нижегородских душ и 7 тыс. руб. от залога Михайловского). При этом у Пушкиных, как у семьи в целом, просто осталось бы меньше активов. В то же время он выдает себя, фактически признавая, что его оценки стоимости душ просто неверны. Он считает, что в Болдино души стоят 800 руб. Что же значит вычет 200 руб. закладных? У Сергея Львовича практически не было свободных от залогов крестьян. И предполагаемые Павлищевым к выделу 80 душ уже были заложены. Соответственно, под этот залог уже был получен кредит из расчета 200 руб. за душу. Но банк исходил из того, что кредит выдается в размере 50% залоговой суммы, то есть души стоили по 400 руб., а не по 800.

Этот расчет подтверждается и историей кредита самого Пушкина. Он получил в 1830 году кредит в Московской сохранной казне. Пушкин заложил 200 душ по цене 400 руб. за душу (при залоговой цене в 200 руб.) и получил 40 тыс. руб. ($400/2 = 200$, $200 \times 200 = 40\ 000$) (подробнее см.: Белья, 2019). Если бы в Нижегородской губернии души действительно стоили 800 руб., то кредит мог быть получен исходя из залоговой цены в 400 руб. Рассчитывать на то, что можно каким-то образом получить по 600 руб. за уже заложенные души — просто наивно или глупо. Души в Псковской губернии стоили дешевле, чем в Нижегородской. Соответственно, как можно было доказывать Пушкину, что цена души в Михайловском равна 1000 или 800 или 700 руб., если Павлищев знал реальное положение дел? Он сам в письме сообщал, что 80 душ в Пскове можно заложить и получить только 12 тыс. руб. Это значит, что залоговая цена душ в Псковской губернии — 150 руб., а рыночная — 300 руб. Это намного ниже, чем предлагал Пушкин и с чем Павлищев не хотел согласиться. Ясно, что целью всех предложений Павлищева было одно — получить максимально возможную сумму наличных денег.

Даже если не учитывать экономическую необоснованность плана Павлищева, совершенно непонятно, зачем это было бы нужно Сергею Львовичу. У него было около 1200 крестьян. Цифру 80 Павлищев назвал приблизительно — это примерно соответствует доле Ольги, которую она получила бы после смерти отца ($1200/14 = 85$). Отдать дочери ее будущее наследство? Сергей Львович не был королем Лиром, который еще при своей жизни разделил королевство и отдал его дочерям. Пушкин в том же письме от 13 августа выска-

зал Павлищеву свое мнение: «Отец не выделит Ольгу, и на Болдино полагаться нельзя» (Пушкин, 1949: 154). Пушкин также написал, что собирается приехать в Михайловское.

Получив ответ Пушкина, Павлищев 21 августа пишет еще одно письмо. Он практически требует: «Мне не с чем выехать и не с чем приехать, чтобы расплатиться с кредиторами, арестовавшими четвертую часть моего жалованья. Эта крайность заставляет меня отказать как от меновой сделки, так и от продажи имения в чужие руки — продажи, требующей времени. Возьмите Михайловское за 40 т.<тысяч>, только выручите нас из беды. Если не можете заплатить Ольгиной доли сполна, то дайте на первый раз хоть 2500; остальные 5/т.<тысяч> (за вычетом 1000, уже нами полученной) будут за вами, год или два. ...Деньги эти, вместо высылки по почте, лучше вам самим привезти сюда» (Пушкин, 1949: 157). Он уже согласен на оценку Пушкина, на сумму платежа Ольге в размере 8500 руб., только бы Пушкин сам привез ему 2500 руб. Более того, он ставит Пушкину временные ограничения — Павлищеву нужно быть в Варшаве 20 сентября, поэтому уже 15 сентября надо выехать из Михайловского. То есть Пушкин, получив письмо Павлищева, должен был все бросить и помчаться в Михайловское, чтобы успеть туда до 15 сентября и вручить Павлищеву деньги.

Не дождавшись ответа Пушкина, Павлищев снова написал ему 28 августа: «Объявление о продаже Михайловского не нужно, потому что я отказался уже от меновой сделки. Приезжайте сюда скорее, дайте нам 2500 р. и имение за вами. ...дело о разделе наследства между нами кончено» (Пушкин, 1949: 157).

Но Пушкину в это время было уже не до выяснения правильной цены Михайловского. Его волновали вопросы, связанные с изданием журнала «Современник», с накапливающимися долгами. В сентябре Пушкин с семьей переезжает на новую квартиру на Мойке, 12, ставшей для него последней. Арендная плата составляла 3400 руб. в год. Это было меньше, чем на предыдущей квартире (6000 руб. в год), но как оплачивать аренду, было не вполне понятно. Продолжались ухаживания Дантеса за Натальей Николаевной.

В октябре Павлищев делает еще одну попытку получить у Пушкина деньги. В письме от 22 октября он выделяет в цене Михайловского в 40 000 руб. движимое и недвижимое имущество. Для этих видов имущества по закону существовали различные нормы наследования. Сергею Львовичу причиталась одна четверть движимого имущества, а не одна седьмая, как для недвижимости, а Ольге — одна восьмая, а не одна четырнадцатая. Стоимость недвижимого имущества в Михайловском, по оценке Павлищева, составляла 30 458 руб., движимого — 9541 руб. Поскольку нормативы для движимого имущества были для Ольги более выгодными, причитающаяся ей доля увеличивалась с пушкинских 8500 руб. до 10 100 руб. Павлищев вычитал из этой суммы полученные им ранее от Пуш-

кина 1000 руб., затем — 1200 руб., которые он забрал у управляющего имением, а также деньги за продажу ржи в сумме 2015 руб. Кроме того, Павлищев уменьшал этот денежный вычет на ту сумму, которая и так причиталась бы Ольге по нормативу наследования недвижимости. В итоге, несмотря на ранее полученные деньги, Павлищев считал, что Пушкин должен был отдать ему 6578 руб. 80 коп., причем 1500 руб. нужно было выслать немедленно (Пушкин, 1949: 174).

Отметим, что Павлищев в этом письме признается, что рожь он продал по цене 11 руб. 50 коп. за четверть. Между тем в письме Пушкину от 27 июня Павлищев писал, что управляющий имением, продав рожь по цене 22 руб. за четверть, совершил кражу, так как цена на рожь якобы была от 24 до 30 руб. Конечно, цены могли меняться, но понятно, что именно Павлищев совершил невыгодную для экономики Михайловского сделку.

Неизвестно, ответил ли Пушкин на это письмо Павлищева, в его жизни происходили гораздо более важные события — 4 ноября он получает анонимное письмо об избрании заместителем магистра Ордена Рогоносцев и его историографом. Вечером того же дня Пушкин отправляет Дантесу вызов на дуэль.

Несмотря на преследовавшие его проблемы и душевные потрясения, а может быть, как раз из-за них, Пушкин продолжал думать о Михайловском. 24 декабря 1836 года он пишет письмо П. А. Осиповой, хозяйке соседнего Тригорского. В этом письме он рассказывает о несостоявшемся разделе Михайловского, о роли Павлищева и том, что пришлось «послать его к чорту». Пушкин откровенен: «Я желал бы, чтобы вы были владелицей Михайловского, а я — я оставил бы за собой усадьбу с садом и десятком дворовых. У меня большое желание приехать этой зимой ненадолго в Тригорское. Мы переговорим обо всем этом» (Пушкин, 1949: 403).

Осипова достаточно быстро ответила Пушкину — письмо было отправлено 6 января 1837 года. Она писала, что приобретать Михайловское не хотела, но желала бы, чтобы Пушкин сохранил его за собой. Она полагала, что имение «стоит ни больше и ни меньше как 500 р. за душу», то есть действительно стоит 40 000 руб. Осипова считала, что, заложив имение, можно получить 16 000 руб. (исходя из залоговой цены души в 200 руб.). Почему-то она думала, что, хотя Сергей Львович уступил свою долю Ольге, ему надо заплатить 5500 руб. (По ее расчету, одна седьмая часть от 80 — это 11 душ, 500 x 11 = 5500.) «Остальное вы заплатите Льву», — писала она. Экономическое положение Михайловского Осипова оценивала оптимистично: «Доказано, что доход с него может превысить 3000; вот, значит, и в Ломбард уплачено, — ибо вы будете платить не больше сотни рублей в год, — и вот вы хозяин Михайловского, а я охотно стану вашей управляющей» (Пушкин, 1949: 406). Осипова писала по-французски и после приведенных расчетов советовала: «Lisez, pensez, cher Alexandre Серьеич».

Если последовать этому совету и действительно «прочесть и подумать», то можно заметить, что расчеты Осиповой ошибочны. В правильном расчете Пушкина сумма выплат родственникам составляла 24 286 руб. Получаемых в Ломбарде (так Осипова не без оснований называет Сохранную Казну) 16 000 руб. явно было бы недостаточно. Утверждение о годовой плате за кредит в размере 100 руб. выглядит нелепо, но это — очевидная описка, речь идет о том, что платить надо не больше 1000 руб. в год. По действующему законодательству, при кредите в сумме 16 000 руб., взятом на 37 лет по ставке 5% годовых, надо было бы платить ежегодно 960 руб. При доходе в 3000 руб. такой платеж был бы вполне посилен. Но где взять недостающие 8286 руб.? Более того, даже Павлицев рассчитывал заложить Михайловское не за 16 000, а только за 12 000 руб.

Неизвестно, ответил ли Пушкин на это и на следующее письмо Осиповой (9 января она послала ему банку крыжовника, сопроводив посылку коротким письмом). Мы знаем только, что 5 января 1837 года он написал Павлицеву письмо, в котором были такие слова: «Пускай Михайловское будет продаваться. Если за него дадут хорошую цену, вам же будет лучше. Я посмотрю, в состоянии ли буду оставить его за собою» (Пушкин, 1949: 214). До роковой дуэли оставалось 22 дня.

Н. Н. Пушкина. 1838–1841 годы

После смерти Пушкина наследниками его доли в Михайловском стали его дети и вдова, Наталья Николаевна. Финансовая поддержка, оказанная Николаем I семье Пушкина, была весьма значительной, об этом хорошо известно. Главное, за счет Казны были оплачены долги Пушкина частным лицам, а долг Казне был списан. Оставался, правда, большой долг Сохранной казне, но он был обеспечен залогом 200 крестьянских душ сельца Кистенево. В любом случае финансовое положение семьи Пушкина было непростым. После обращения Натальи Николаевны к Николаю I с просьбой об учреждении опеки над ее детьми, опека была учреждена.

22 мая 1838 года Наталья Николаевна обратилась в Опекун⁷ с письмом, содержащим просьбу о выкупе Михайловского, — с цитированием этого письма начинается настоящая статья. Завершалось письмо следующей фразой: «Итак, я прошу Попечителей войти немедленно в сношение с прочими владельцами села Михайловского, спросить их об условиях, на коих согласятся они предоставить оное детям своего брата, выплатить им, есть ли возможно следующие деньги, и довершить таким образом свои благодеяния семейству Пушкина» (Архив опеки Пушкина, 1939: 288). Громоздкая бюрократическая машина Российской империи в данном слу-

7. Здесь и далее под Опекой понимается группа лиц, назначенных опекунами.

чае проявила оперативность. Уже на следующий день Опека завела «Дело о покупке села Михайловского в собственность малолетних детей А. С. Пушкина. Началось 23 мая 1838 г.». Теперь речь шла о том, чтобы Опека выкупила доли Ольги Сергеевны, Льва Сергеевича и самой Натальи Николаевны в пользу детей Пушкина. Наступил новый этап в истории об оценке Михайловского. Опека начала с выяснения состояния объекта оценки — были составлены опись имущества, а также список крестьян и дворовых людей.

Опись выявила, что в наличии было не 80 крестьянских душ мужского пола, а только 71. Со времени последней ревизии 10 мужчин умерло, родилось 5 мальчиков, двоих забрали в солдаты, одного выслали на поселение. $80 - 10 + 5 - 2 - 1 = 72$. На самом деле, в описи должно было быть 72 души. Но при ее составлении была допущена ошибка — младенца Петра, сына Авдотьи Сергеевой, записали в женскую графу (Архив опеки Пушкина, 1939: 274). Впрочем, Опека в дальнейшем все равно работала с официальными данными ревизии — во всех документах считалось, что в Михайловском не 71 и не 72, а 80 душ мужского пола.

Если на первом этапе проблемы создавал Павлицев, то на втором этапе существенно затянул дело С. А. Соболевский, который был привлечен к процессу выкупа. Он был давним знакомым самого Пушкина и однокашником Льва и Павлицева по Лицейскому Благородному пансиону. Соболевский получил доверенности на ведение дел от Льва и Ольги. Некоторое время заняло согласование с Опекой текстов доверенностей — поначалу формулировки прав Соболевского не позволяли ему совершать операции по продаже долей имения. Задержки были вызваны в том числе и географическим фактором — Ольга жила вместе с мужем в Варшаве, где Павлицев находился на государственной службе. Лев служил в армии в южных краях. Наконец юридические вопросы были решены, и в феврале 1839 года один из опекунов Г. А. Строганов, двоюродный дядя Натальи Николаевны, глава Опеки, официально запросил Соболевского о том, как тот оценивает части имения, принадлежащие его доверителям. Отметим, что прошло уже 8 месяцев с начала дела.

Соболевский занял довольно странную позицию. В письме Г. А. Строганову от 2 марта 1839 года он заявил: «Решительная цена оному имению по 500 рублей ассигнациями за душу, то есть 40 000 за всё имение. Расходы на счет покупщика» (Архив опеки Пушкина, 1949: 291). В случае, если Опеку такая цена не устроила бы, он просил, наоборот, продать доли Натальи Николаевны и детей Пушкина. При этом покупателями стали бы Ольга и Лев, но в этом случае Соболевский выставлял цену в 400 руб. за душу. (О том, что ни Лев, ни Ольга не имели денег и не смогли бы выкупить остальные доли имения ни по 400 руб. за душу, ни даже по 300 руб., Соболевской почему-то не думал.) Если бы и с этим предложением Опека не согласилась, он считал возможным выставить Михайловское на аукцион.

Соболевский выдвинул довольно странный аргумент. 29 августа 1839 года в письме главе опеки графу Г. А. Строганову он заявил, что Пушкин «хотел дать брату и сестре по 500 руб. за душу, я должен от их имени этого требовать и не могу согласиться на другую цену» (Архив опеки Пушкина, 1949: 294). В обосновании своей позиции Соболевский доказывал, что частным покупателям деньги обходятся дороже, чем государственной структуре, и что поэтому для них цена должна быть ниже. Этот нелепый аргумент, конечно, не мог убедить Опеку.

Действительно, Пушкин хотел дать родственникам премию в 100 руб. к рыночной цене, составлявшей 400 руб. за душу. Но почему Опека, распоряжавшаяся казенными деньгами, должна была бы пойти на такой прирост цены — совершенно непонятно. Конечно, члены Опеки были выбраны самой Натальей Николаевной и искренне хотели завершить сделку в пользу детей Пушкина. Но, в конце концов, в данной ситуации они выступали как государственные служащие. И ценовая вилка, предложенная Соболевским, лишь усложнила ситуацию — фактически он признавал, что рыночная цена крестьянских душ была не 500, а 400 руб.

Летом и осенью 1839 года продолжились переговоры Соболевского с Опекой. Опека сначала решила пойти по второму варианту, предложенному Соболевским, и даже получила согласие Дворянской опеки на продажу долей Михайловского на вольном рынке. Нюанс заключался в том, что Опека могла распоряжаться только долями детей Пушкина, поэтому и разрешение Дворянской опеки относилось только к продаже долей детей. Однако сумма долей Ольги и Льва составляла 17/28 — немногим больше половины. Соответственно, Опека могла продать только меньшую часть имения. Найти желающего купить такую часть, исходя из цены, по которой продавалось бы имение целиком, было непросто. У Опеки этого не получилось. При такой продаже не решалась бы главная задача — сохранение имения для рода Пушкина.

В связи с этим Опека сделала правильный ход — надеясь на благоразумие собственников долей, Льва и Ольги, она обратилась к ним напрямую, минуя посредника Соболевского. Более того, Опека все же предложила несколько увеличенную цену. В конце декабря 1839 года глава Опеки граф Г. А. Строганов одновременно написал письма Ольге и Льву, предлагая либо выкупить остальную часть имения по цене 425 руб. за душу, либо продать Опеке их доли в пользу детей Пушкина по той же цене — 425 руб.

Оказалось, что Лев вообще не был знаком со схемой Соболевского. Понятно, какие эмоции возникли у человека, постоянно нуждающегося в деньгах и с нетерпением ожидающего завершения сделки. 29 января 1840 года Лев написал В. А. Жуковскому, что отзывает доверенность, выданную Соболевскому, и дает доверенность самому Жуковскому на продажу доли по предложенной Опекой цене — 425 руб. за душу. Более того, Лев даже уполномочил Жуковского в том случае, если Ольга не согласится с ценой в 425 руб.,

добавить ей необходимую сумму из его денег. Он не ожидал, что Ольга будет против, но готов был даже на материальные убытки: «Мое желание одно, чтобы имение это не переходило в посторонние руки. Не имея средств удержать его за собою, я надеюсь, что оно останется у детей брата» (Архив опеки Пушкина, 1939: 299–300).

Ольга не стала отзываться доверенности, выданной Соболевскому, но в письме Г. А. Строганову, написанному в феврале 1840 года, дала согласие на предложенную Опекой цену и уполномочила Соболевского совершить конкретное действие — продать свою долю (которая включала и долю Сергея Львовича) именно по цене Опеки.

В итоге выкуп был благополучно согласован, однако реальные выплаты денег начались только в 1841 году. Опека выкупила доли Ольги, Льва, а также долю Натальи Николаевны, которой причиталась одна седьмая часть доли самого Пушкина. Ольга получила деньги 8 февраля, Наталья Николаевна — 8 мая 1841 года. Правда, Пушкиной пришлось написать расписку о том, что она получила от Опеки деньги «с обязательством, что если бы Правительствующий сенат не утвердил выдел оных из сумм опекунства над детьми и имуществом мужа моего, возратить оные деньги обратно сему опекунству» (Архив опеки Пушкина, 1939: 311). Кроме того, требовалось, чтобы за Ольгу и Наталью Николаевну были даны поручительства. За Наталью Николаевну поручительство предоставил друг Пушкина князь П. А. Вяземский. Лев получил деньги только 15 октября 1841 года. Таким образом, дело длилось почти три с половиной года.

Наталья Николаевна была утверждена опекуном над своими детьми. Крестьяне Михайловского дали обязательство: «Содержать Михайловскую вотчину в порядке и благоустройстве, вносить за всю вотчину исправно и без всякой недоимки все государственные подати и земские повинности и сверх того платить помещице нашей Наталии Николаевне ежегодно 850 руб. серебром» (Архив опеки Пушкина, 1939: 312). Все предыдущие финансовые цифры приводились в ассигнациях. В 1839 году в России министр финансов Е. Ф. Канкрин начал денежную реформу. С 1 января 1840 года все сделки должны были исчисляться только в серебре. По условиям реформы один серебряный рубль приравнивался к трем с половиной рублям ассигнациями. Таким образом, если считать в ассигнациях, крестьяне обещали платить 2975 руб. в год. В какой степени им удавалось выполнять это обещание — вопрос отдельный. Как показывает история Михайловского, в отдельные неурожайные годы Наталье Николаевне вместо того, чтобы собирать доходы, приходилось помогать крестьянам.

Мария, Александр, Григорий, Наталья Пушкины. 1856–1899 годы

У Пушкина и Натальи Николаевны было четверо детей — Мария, Александр, Григорий, Наталья. В результате осуществленно-

го Опекой выкупа Михайловского у Льва, Ольги и самой Натальи Николаевны, дети стали собственниками Михайловского. Все дети имели равные доли в имении.

Сергей Львович Пушкин, их дедушка, умер в 1848 году. История и экономика раздела его наследства представляет значительный интерес, но выходит за рамки настоящей статьи. Для нас важно то, что в 1856 году между детьми Пушкина произошел раздел всего наследства. Это разделение, если воспользоваться современной терминологией, было проведено по гендерному принципу. Имущество оставалось в собственности братьев — Александра и Григория, а дочери — Мария и Наталья получили денежную компенсацию в 28 571 руб. 50 коп. серебром каждая (Архив опеки Пушкина, 1939: 324). В ценной исследовательской работе Е. А. Зонтовой, диссертации, посвященной пушкинским местам в Псковской губернии в период 1837–1945 годов, утверждается, что при разделе братьям отошли «доставшиеся по наследству от отца имения, а сестры М. А. Пушкина и Н. А. Дубельт (Пушкина) взамен принадлежащих им частей» получили денежную компенсацию (Зонтова, 2015: 63).

На самом деле сделка имела несколько более сложный характер. Прежде всего, отметим, что Наталья Николаевна отказалась от всех своих имущественных прав в пользу детей. В самом раздельном акте учитывались не только имения, но и права на издания сочинений А. С. Пушкина, а также некоторые финансовые документы. Этими документами были билеты (по сути — свидетельства о депозитах) С.-Петербургской сохранной казны и Государственного коммерческого банка, а также заемное письмо, выданное на имя М. А. Пушкиной, на общую сумму 17 182 руб. (очевидно, ассигнациями). Братьям, Александру и Григорию, отходили не только доли сестер во всех имениях, но и права на издания сочинений А. С. Пушкина. При этом величина платежа, который братья должны были совершить Марии, уменьшалась на сумму перечисленных финансовых инструментов (Архив опеки Пушкина, 1939: 325).

К сожалению, сложная структура сделки, наличие в ней имений, находящихся в двух разных губерниях, а также финансовых инструментов и издательских прав, не позволяет понять, какая цена Михайловского использовалась во взаиморасчетах в 1856 году.

Следующая дата в истории собственности Михайловского — 5 февраля 1870 года. В этот день между сыновьями Александром и Григорием была совершена раздельная запись, по которой единственным владельцем Михайловского стал Григорий. В его собственность отошло «...имение Михайловское, состоящее в Псковской губернии в Опочецком уезде, заключающее одну тысячу пятсот десятин, из коих триста двадцать десятин составляют крестьянский надел» (Зонтова, 2015: 65)⁸. Это событие произошло по-

8. Е. А. Зонтова цитирует архивный документ из «Дела о выкупе временно-обязанными крестьянами земельных наделов у Пушкина Г. А. села Леж-

сле отмены крепостного права, когда система отношений помещиков и крестьян радикально изменилась. Изменилась и площадь Михайловского — во времена Пушкина она составляла 1955 десятин. По-видимому, часть земель была продана.

Еще одно изменение в статусе имения произошло в 1899 году. В связи с празднованием 100-летия со дня рождения Пушкина, встал вопрос о выкупе Михайловского в государственную собственность. В Дворянском земельном банке было заведено дело «О покупке имения Григория Александровича Пушкина (при селе Михайловское Псковской губернии Опочецкого уезда)»⁹. Оценка имения была сделана сотрудником банка Беляевым, его отчет помещен в деле¹⁰. С современной точки зрения, отчет подготовлен весьма профессионально. Площадь имения составляла 1162 десятины 800 саженьей, оценщик выделил три категории земель — пашня, земля с сосновым строевым лесом и земля с лиственными породами. Отдельно оценивались участки пашни, на которых выращивались рожь, овес, лен, учитывался покос трав и цена сена. В итоговой оценке пашни учитывались налоги, плата за оборотный капитал (8%), 3% на непредвиденные расходы. По оценке Беляева, всего пашня давала 2319 руб. дохода в год. Капитализация этого дохода, исходя из 5,5% годовых, дала сумму в 42 100 руб. Доход от участка с хвойным лесом составил 70 400 руб., оценка земли под лиственными породами — 8000 руб. Суммарная оценка имения — 120 500 руб.¹¹ (42 100 + 70 400 + 8 000). В оценку не вошло движимое имущество и инвентарь, которые остались у Г. А. Пушкина.

Получив этот отчет, руководство банка сделало широкий жест и увеличило цену выкупа: «...ввиду присутствия в имении весьма ценного строевого леса Совет Банка полагал возможным повысить эту оценку на 20% и оценить имение в 144 600 руб.»¹². Отметим, что наценка в 20% была применена не к участку с хвойным лесом, а к оценке всего имения.

Г. А. Пушкин получил за имение 144 600 руб., но казне в итоге оно обошлось дороже. В письме министра финансов С. Ю. Витте в Дворянский банк говорилось: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил:

- 1) Приобрести в казну имение за 151 000 руб. в счет 12 млн руб., непредусмотренных сметами расходов на экстренные надобности.
- 2) Предоставить Псковскому дворянству устроить в усадьбе этого имения, по согласованию с Академией Наук, какое-либо

нева и др. (Псковская губ.) 13 декабря 1877 г. — 2 октября 1879 г.»: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 577.

Оп. 31. Д. 778. Л. 10 об., 11.

9. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 386.

10. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 386. Л. 61–69 с об.

11. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 386. Л. 69.

12. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 386. Л. 4.

благотворительное учреждение, связанное с именем Пушкина»¹³. Возможно, что разница в сумме выкупа для казны и суммы, полученной Г. А. Пушкиным, равная 6400 руб., составила комиссию Дворянского банка.

Итак, Михайловское было куплено у сына Пушкина за 144 600 руб. Ценность имения теперь измерялась не числом крестьянских душ, а получаемым доходом. Поэтому сопоставить финансовые параметры 1899 и конца 1830-х годов достаточно сложно. В 1841 году цена имения составила 34 000 руб., при площади в 1965 десятин цена десятины была равна 17 руб. 30 коп. В 1899 году основную долю в цене имения составляла не пашня, а сосновый лес. Единой цены десятины пашни в отчете Беляева не содержится, в основном он использует величину в 100 руб. за десятину, то есть цена земли выросла примерно в шесть раз. Изучение причин такого роста (реформы, экономический подъем страны, деятельность Дворянского и Крестьянского земельных банков) выходит за рамки настоящей статьи.

В октябре 1917 года большевики захватили власть. В числе первых декретов, принятых 26 октября (8 ноября), был декрет о земле. В соответствии с декретом, вся частная собственность на землю отменялась без всякого выкупа, помещичьи имения переходили в распоряжение волостных земельных Комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов вплоть до разрешения Учредительным собранием вопроса о земле. Советы крестьянских депутатов должны были принимать все необходимые меры для строжайшей революционной охраны всего переходящего народу хозяйства со всеми постройками¹⁴. Несмотря на эти декларируемые меры, в феврале 1918 года Михайловское было разграблено крестьянами, все усадебные постройки, кроме домика няни, был сожжены.

Заключение

Так сколько же стоило Михайловское? В принципе ответ на этот вопрос прост. В 1841 году, исходя из цены продажи — 425 руб. за душу, при формальном числе — 80 душ мужского пола, цена имения была равна 34 000 руб. Это было реально уплаченной ценой. Если бы опека исключила «мертвых душ» и рассчитывала выплаты по фактической численности крестьян, цена имения была бы меньше — всего 30 600 руб. Но выплаты производились именно исходя из цифры 80. При капитализации по банковской ставке в 5% цена в 34 000 руб. соответствовала бы годовому доходу от имения в размере 1700 руб. Если исходить из обязательства крестьян выплачивать Н. Н. Пушкиной ежегодно 2975 руб., такой доход при капи-

13. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 386. Л. 10.

14. <https://base.garant.ru/70264556/> (дата доступа: 15.04.2024).

тализации по ставке 5% давал бы цену в 59 500 руб. Эта величина близка к той, на которую безуспешно надеялся Павлищев. Однако она была далека от реальной рыночной цены. Даже если цена актива формально определена правильно, его не всегда удается реализовать в соответствии с этим расчетом. В 1899 году цена Михайловского составляла уже 144 600 руб. Строго говоря, эта цена содержала премию к рыночной цене.

Конечно, вопрос о цене Михайловского сам по себе интересен. Но важнее то, что экономические проблемы, связанные с выкупом имения, позволяют лучше понять реальные отношения Пушкина и его родственников, а также причины тех или иных событий, связанных с Михайловским. И, безусловно, Наталья Николаевна была права — Михайловское драгоценно для каждого из нас.

Библиография

- Александр Сергеевич Пушкин (2007): документы к биографии 1799–1829 / Вступ. ст., сост.: В. П. Старк; подгот. текста С. В. Березкиной, И. В. Васильевой и др.; примеч. С. В. Березкиной, В. П. Старк. СПб.: Искусство-СПб.
- Архив опеки Пушкина (1939) // Летописи Государственного литературного музея. Кн. 5 / Ред. и комм. П. С. Попова. М.: Гос. лит. музей.
- Бельых А. А. (2019). Мог ли Пушкин отдать долги? // Экономическая политика. № 3. С. 176–191.
- Бельых А. А. (2021). А. С. Пушкин: доходы и долги // Пушкин и финансы: сборник статей / Сост., науч. ред. А. А. Бельых. М.: Изд. дом «Дело». С. 16–80.
- Зонтова Е. А. (2015). Пушкинские места Псковской земли в 1837–1945 гг.: от дворянской усадьбы к государственному заповеднику. Дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02). СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
- Пушкин А. С. (1949). Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. Т. XVI. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Чернова М. А. (2024). Дворянская опека: в законодательстве и реальной практике // Культурный ландшафт регионов. Т. 6. № 1. С. 39–50.
- Щеголев П. И. (2021). Пушкин и мужики. По неизданным материалам // Пушкин и финансы: сборник статей / Сост., науч. ред. А. А. Бельых. М.: Изд. дом «Дело». С. 273–472.

What was the price of the Pushkin family estate Mikhailovskoe?

Andrei A. Belykh, DSc (Economics), Deputy Head of the Centre of Applied History, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: abelykh@inbox.ru

Abstract. The article considers the history of financial relationships between A. S. Pushkin and his relatives about their family estate Mikhailovskoe, which has not been studied by Pushkinists, historians or economists despite its importance for understanding the economic life of both Pushkin and Russian nobility in the mid and late 19th century. Mikhailovskoe belonged to Pushkin's mother, Nadezhda Osipovna. After her death in 1836, according to the law, Pushkin's father, Sergey Lvovich received its seventh share, Pushkin's sister Olga — its fourteenth share, while the rest was divided equal-

ly between brothers — Alexander and Lev. Pushkin's father refused his share in favor of his daughter. The real division of the estate with 80 male serfs was complicated and economically meaningless, unlike financial settlement. Pushkin suggested to buy out Mikhailovskoe for 40 thousand rubles (500 rubles per serf). N. I. Pavlishchev, Olga's husband, wanted to receive more money, insisting that the estate was twice more expensive. Later he reduced the price, but Pushkin did not have enough money, and it was the second half of 1936, when the events that led to Pushkin's tragic duel were already unfolding. In February 1837, Pushkin's widow, Natalia Nikolaevna, asked the Tsar for permission to buy out Mikhailovskoe for her children. The custody of Pushkin's children was appointed, and, after lengthy negotiations, in 1841 Mikhailovskoe was bought out. The heirs — Lev, Olga and Natalia Nikolaevna — received money for their shares based on the estate's price of 34 thousand rubles. Owners of the estate with equal shares were Pushkin's children — Maria, Alexander, Grigory and Natalia. In 1856, Pushkin's sons bought out their sisters' shares. In 1870, Grigory became the sole owner of Mikhailovskoe. In 1899, the estate was bought out by the Treasury for 144,600 rubles; however, this was mainly the price of forest rather than serfs.

Key words: A. S. Pushkin, Mikhailovskoe estate, Pushkin family, evaluation methods, price of estate, custody of Pushkin's children, G. A. Pushkin, buy out estate

References

- Aleksandr Sergeevich Pushkin (2007): dokumenty k biografii 1799—1829* [Alexander S. Pushkin: Documents for the Biography 1799—1829]. (Ed. by V. P. Stark), Saint Peterburg: Iskusstvo-SPb.
- Arkhiv opeki Pushkina (1939)* [Archive of the Pushkin Trust]. (Ed. by P. S. Popov), Moscow: Izd-vo GLM.
- Belykh A. A. (2019) Mog li Pushkin vernut dolgi? [Did Pushkin have a chance to pay off his debts]. *Ekonomicheskaya Politika*, vol. 14, no 3, pp. 176–191.
- Belykh A. A. (2021) A. S. Pushkin: dokhody i dolgi [A. S. Pushkin: incomes and debts]. *Pushkin i finansy* (Comp. by A. A. Belykh), Moscow: ID “Delo”, pp. 16–80.
- Chernova M. A. (2024) Dvoryanskaya opeka v zakonodatelstve i realnoi praktike [Noble guardianship in legislation and real practice]. *Cultural Landscape of Regions*, vol. 6, no 1, pp. 39–50.
- Pushkin A. S. (1949) *Polnoe sobranie sochinenij v 16 t.* [Complete Works in 16 vols.], Vol. XVI, Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Shchegolev P. E. (2021) Pushkin i muzhiki [Pushkin and peasants]. *Pushkin i finansy*. (Comp. by A. A. Belykh), Moscow: ID “Delo”, pp. 273–472.
- Zontova E. A. (2015) *Pushkinskie mesta Pskovskoi zemli v 1837–1945 gg.: ot dvoryanskoi usadby k gosudarstvennomu zapovedniku* [Pushkin's Memorial Places in the Pskov Region in 1837—1945: From the Noble Estate to the State Reserve]. Diss. k.i.n., Saint Peterburg: SPbGEU.